

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 122 (3306)

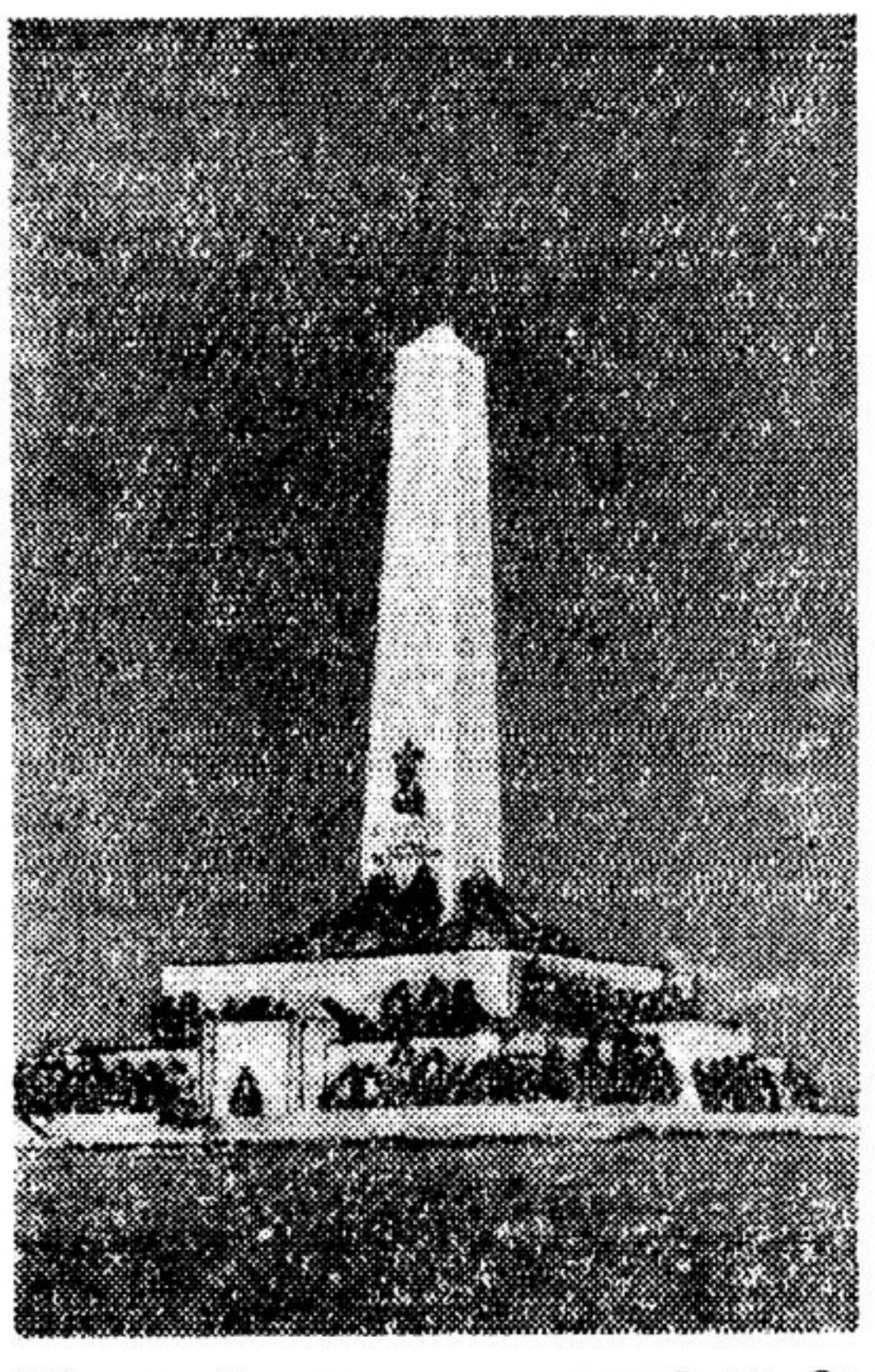
Вторник, 12 октября 1954 г.

Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

БОЛЬШЕ БУМАГИ ДЛЯ КНИГ! И. Белов. — В интересах миллионов читателей (1 стр.).

Севастополь — город-герой, город русской военной славы. Все здесь напоминает о его героическом прошлом — и Малахов курган, и четвертый бастион, и памятник затопленным кораблям, и многочисленные плиты с указаниями, где стояли батареи, отражавшие сто лет назад натиск иноземных захватчиков.

Обелиск Славы, установленный на Сапун-горе под Севастополем. Фото А. Скоропетова

349 дней длилась беспрерывная по своему героизму оборона города от иноземных захватчиков в годы Крымской войны. Город защищали не только войска — солдаты и матросы, но и все его население.

Славные традиции защитников Севастополя 1854—1855 гг. были приобщены советскими воинами в годы Великой Отечественной войны.

Столетие Севастопольской обороны будет широко отмечено в стране. Сегодня мы сообщаем о том, как готовится к празднику город-герой.

★ Научная сессия отделения общественных наук Академии наук УССР открывается 12 октября. На нее приглашены представители научных учреждений Москвы, Киева, Симферополя, Севастополя.

★ Украинская студия хроникально-документальных фильмов производит съемки исторических мест и памятников города, а также восстановление панорам «Оборона Севастополя».

★ В гости у читателей Морской библиотеки за последние месяцы побывали писатели А. Степанов, Д. Никулин, В. Сокоп, П. Вершин, Е. Поповкин.

★ В Морской библиотеке хранится много книг по истории Черноморского флота и Севастополя. Сейчас эта литература выставлена для обозрения.

Биографии храбрецов

В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР подготовлены к печати сборники документов и материалов о выдающихся русских флотоводцах и организаторах героической обороны Севастополя в 1854—1855 гг.

Сотрудники архива выявили много новых материалов о защитниках русской морской твердыни на Черном море.

Вечер, посвященный творчеству Г. Фильдинга

В эти дни прогрессивная общественность всего мира отмечает двухсотлетие со дня смерти Герри Фильдинга, замечательного писателя-гуманиста.

Торжественное заседание в Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского открыл В. Катаев.

Награждение Н. П. Бажана орденом Ленина

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, писатель Бажан Николай Платонович награжден орденом Ленина.

Мелитопольский курган

Большие раскопки, которые ведут специалисты украинской археологии, дали значительные успехи. Экспедиция Института археологии Академии наук УССР обнаружила в привокзальном районе Мелитополя погребение скифов, относящееся к IV—III векам до нашей эры.

В течение трех с лишним месяцев велась эта раскопка, — сказал корреспонденту «Литературной газеты» руководитель экспедиции А. Теренюжин.

Гробница представляла собой небольшое прямоугольное погребение, замаскированное самым тщательным образом.

Обнаруженные мелитопольской экспедиции памятники материальной культуры углубляют наши знания о социально-экономических отношениях, торговых связях и культуре кочевьящих степей Приазовья.

стополь в годы Великой Отечественной войны. Подготавливаются к изданию: сборник очерков и рассказов С. Сергеева-Ценского «Севастопольская оборона», очерк кандидата исторических наук А. Неледина «Основание Севастополя», путеводитель «По историческим местам и памятникам города-героя».

★ Севастопольская тематика находит широкое отражение в творчестве художников. К знаменательной дате художник Н. Бориников пишет акварель о подвиге матроса 30-го флотского экипажа Игнатия Шевченко.

★ Крымское областное издательство выпустило исторический очерк В. Зверева «Синюхая гора», и новое издание исторической повести С. Григорьева «Малахов курган».

★ В гости у читателей Морской библиотеки за последние месяцы побывали писатели А. Степанов, Д. Никулин, В. Сокоп, П. Вершин, Е. Поповкин.

Вечер, посвященный творчеству Г. Фильдинга

В эти дни прогрессивная общественность всего мира отмечает двухсотлетие со дня смерти Герри Фильдинга, замечательного писателя-гуманиста.

Сотрудники архива выявили много новых материалов о защитниках русской морской твердыни на Черном море.

Награждение Н. П. Бажана орденом Ленина

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, писатель Бажан Николай Платонович награжден орденом Ленина.

Мелитопольский курган

Большие раскопки, которые ведут специалисты украинской археологии, дали значительные успехи. Экспедиция Института археологии Академии наук УССР обнаружила в привокзальном районе Мелитополя погребение скифов, относящееся к IV—III векам до нашей эры.

В течение трех с лишним месяцев велась эта раскопка, — сказал корреспонденту «Литературной газеты» руководитель экспедиции А. Теренюжин.

Тонны и метры

Еще в Москве, в типографиях и издательствах, приходилось выслушивать различные отзывы о бумаге калининградских предприятий.

— Хороша бумага Знаменской фабрики, — говорили один.

— Да, нельзя отрицать, но все же знаменская бумага менее выгодна, чем бумага Советского комбината, — говорили другие.

— Дороже, что ли? — Нет, просто невыгодна: меньше книг напечатается.

— Как так? — Собресидник задумался и неожиданно сказал: — Попробуйте представить себе такую

В интересах миллионов читателей

Больше бумаги для книг! Чувство ответственности

Часами не устаешь смотреть, как мутноватая жидкость, непрерывным потоком поступающая на тончайшую бронзовую сетку бумагодельной машины, с неуловимой для глаза быстротой превращается в бумагу.

Короткий и стремительный путь закончен. Бумага вырывается из машины нескончаемым, блистающим белозной полотном.

Круглые сутки работает машина, «отливая», как говорят специалисты, 150 метров бумаги в минуту, десятки тонн в смену.

Внимательно разглядывает сечетчик клочки бумаги. А я думаю в это время о другом большом вопросе. Трехметровый рулон разрежет на несколько меньших, упакует, поставит на нем марку «Типографская бумага № 1 Советский ЦБК».

Старший сечетчик Железняков, будто угадав мои мысли, неожиданно спрашивает: — Можно ли в Москве достать такую книгу? — «Дауриня?»

Интерес старшего сечетчика не только к содержанию книги, но и к ее «фактуре» становится понятным. Таков уж советский рабочий. Он любит свой труд, гордится общественным его значением.

Затем выступил, тепло встреченный присутствующими, английский писатель Джек Линдсей.

Вечер закончился большим концертом, в котором были исполнены отрывки из пьес Фильдинга «Судья в лужайке», «Дон Кихот в Англии» и романа «История приключений Дюжозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса».

Награждение Н. П. Бажана орденом Ленина

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, писатель Бажан Николай Платонович награжден орденом Ленина.

Мелитопольский курган

Большие раскопки, которые ведут специалисты украинской археологии, дали значительные успехи. Экспедиция Института археологии Академии наук УССР обнаружила в привокзальном районе Мелитополя погребение скифов, относящееся к IV—III векам до нашей эры.

Тонны и метры

Еще в Москве, в типографиях и издательствах, приходилось выслушивать различные отзывы о бумаге калининградских предприятий.

— Хороша бумага Знаменской фабрики, — говорили один.

— Да, нельзя отрицать, но все же знаменская бумага менее выгодна, чем бумага Советского комбината, — говорили другие.

— Дороже, что ли? — Нет, просто невыгодна: меньше книг напечатается.

— Как так? — Собресидник задумался и неожиданно сказал: — Попробуйте представить себе такую

Недавно группа советских писателей обратилась с письмом к работникам бумажной промышленности («Литературная газета», 28 сентября с. г.). «В наших советских условиях, — говорилось в письме, — производство бумаги для книг стало таким же важным для народа, как производство хлеба и металла, машин и тканей и многого другого, без чего не может жить человек... Чем больше будет книг, тем больше будут удовлетворены растущие духовные потребности советского человека!»

Товарищеский призыв писателей вызвал живой патристический отклик на предприятиях бумажной промышленности. Инженеры вместе с рабочими ведущих профессий, сечетники, сушильщики, роллинги обсуждают обращение писателей.

Первым откликнулся коллектив Знаменской фабрики, выустивший уже сверх плана 400 тонн типографской бумаги и много поработоравший над улучшением ее качества.

«С большим волнением мы обсудили письмо советских писателей, — пишут работники фабрики. — Мы разделяем чувство тревоги наших писателей и заявляем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Знаменцы наметили план увеличения выпуска бумаги для книг. Они сообщают, что с октября с. г. отказываются от выпуска 80-граммовой бумаги, переходят на 70-граммовую. Это даст возможность, не увеличивая расходы сырья, увеличить на 12 процентов метраж выпускаемой бумаги.

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

Сегодня мы публикуем статью о недостаточном внимании Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности к предприятиям в Калининградской области, в частности об инертном отношении министерства к непроизводительному расходу сырья на Неманском комбинате и Знаменской фабрике в продолжение ряда лет выпускают типографскую бумагу повышенной плотности.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности должно оперативно и систематически помогать своим предприятиям выполнять социалистические обязательства.

Взвешивая эти два вопроса, мы считаем, что предприятия нашего министерства имеют большие возможности для выполнения и первоочередного государственного плана по выработке печатной бумаги».

графской бумаги в тоннах—это неслучайно, все глубже овладевает переделами людьми бумажного производства. Дело теперь остается за министерством.

В стороне от творческой жизни

Чуткое отношение ко всему новому, что рождается на производстве,— это основная черта прогрессивной технической политики любого министерства. Оно обязано внимательно следить за всем новым на предприятиях, оценивать и развивать передовые силы науки и широко внедрять в производство.

Три предприятия бумажной промышленности Калининградской области расположены по соседству. От Советского комбината до Неманского всего лишь километр, а до Знаменской фабрики километров 70.

Бумажники, перефразируя поговорку: «Лакое тесто замесит, такле блины испечет», говорят: «Какую приготовить бумажную массу, такую бумагу получим». Подготовка, разлом массы ведутся на большинстве предприятий бумажной промышленности в так называемых роллах, принцип работы которых не меняется свыше 250 лет.

Каждое из них бредет своим путем. И не только в поисках оптимальных способов работы бумажных машин и плотности бумаги.

Могли бы подумать работники технического управления министерства и о другом, не менее важном, если бы проявили живой интерес к тому, что делается на калининградских предприятиях. Типографская бумага № 1, например, изготовляется с помощью целлюлозы, а на Знаменской фабрике целлюлоза и сырье для бумаги.

Министерство, как мы видели, идет по наименее выгодному пути. Оно выпускает бумагу потяжелее. А передовые люди бумажной промышленности, фабрик? Они — за высокие скорости.

Старший сечетник Советского комбината тов. Железняков мечтает: — Если бы нашей машине да многомоторный привод, мы подняли бы скорость до 180 или даже 200 метров в минуту.

Машин Неманского комбината в начале года работали на скоростях 110—120 метров в минуту, а сейчас со скоростью 140—150 метров, перевыполняя нормы в отдельные дни на 50—60 процентов! И ведь ничего особенного для этого не понадобилось: начали внимательнее следить за тем, чтобы бумажная масса была однородна, организовали контроль за технологическим режимом, отремонтировали моторы привода и саму машину.

Министерство как будто не против высоких скоростей, но нельзя сделать вывод, что оно и «за». Ведь вот как оно получается: Советскому комбинату глава утвердил среднюю скорость машины в 119 метров в минуту, а на Неманском, где машина в лучшем состоянии, — 103 метра.

Министерство как будто не против высоких скоростей, но нельзя сделать вывод, что оно и «за». Ведь вот как оно получается: Советскому комбинату глава утвердил среднюю скорость машины в 119 метров в минуту, а на Неманском, где машина в лучшем состоянии, — 103 метра.

Министерство как будто не против высоких скоростей, но нельзя сделать вывод, что оно и «за». Ведь вот как оно получается: Советскому комбинату глава утвердил среднюю скорость машины в 119 метров в минуту, а на Неманском, где машина в лучшем состоянии, — 103 метра.

Министерство как будто не против высоких скоростей, но нельзя сделать вывод, что оно и «за». Ведь вот как оно получается: Советскому комбинату глава утвердил среднюю скорость машины в 119 метров в минуту, а на Неманском, где машина в лучшем состоянии, — 103 метра.

Министерство как будто не против высоких скоростей, но нельзя сделать вывод, что оно и «за». Ведь вот как оно получается: Советскому комбинату глава утвердил среднюю скорость машины в 119 метров в минуту, а на Неманском, где машина в лучшем состоянии, — 103 метра.

Министерство как будто не против высоких скоростей, но нельзя сделать вывод, что оно и «за». Ведь вот как оно получается: Советскому комбинату глава утвердил среднюю скорость машины в 119 метров в минуту, а на Неманском, где машина в лучшем состоянии, — 103 метра.

Министерство как будто не против высоких скоростей, но нельзя сделать вывод, что оно и «за». Ведь вот как оно получается: Советскому комбинату глава утвердил среднюю скорость машины в 119 метров в минуту, а на Неманском, где машина в лучшем состоянии, — 103 метра.

И. БЕЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Творческим вопросам — главное внимание

«О ПОДЛИННОЙ И ЛОЖНОЙ КРАСОТЕ В АРХИТЕКТУРЕ»

Среди многих вопросов, подлежащих обсуждению на съезде советских писателей и в предсъездовской дискуссии, парадом в творческих проблемах свое — и весьма немаловажное — место занимают организационные вопросы, вопросы деятельности нашего творческого союза.

Историческая роль Первого съезда писателей заключалась в сплочении сил советской литературы. Это нашло свое организационное воплощение в создании Союза советских писателей. Позднее, в конце индустриальной революции, изолированности и обособленности, объединив литераторов в единую монолитную организацию, в дружный, боевой коллектив.

И вот, если с точки зрения решений Первого съезда посмотреть на наши творческие дела, то, думается, мы не сможем похвалиться большими успехами, не сможем сказать, что все у нас благополучно, что наша организация жила и работала эти двадцать лет достаточно активно, составив коллектив в полном и высоком смысле этого слова.

Я считаю, что работа по созданию творческой, общественной атмосферы в союзе должна была стать одной из первоочередных. От этого во многом зависела плодотворность его работы. И то, что мы не сумели добиться здесь серьезных успехов, было главной причиной многих промахов и ошибок, истощения и того чувства неудовлетворенности, которое все мы, в той или иной степени, испытываем, думая о наших делах.

По-моему, мы вправе сейчас поставить вопрос откровенно: каждого ли из нас союзу считает одинаково необходимым ему в той системе работы, которую он ведет? И далее, каждый ли из нас в одинаковой мере считает союз своей кровной, родной, близкой и необходимой ему организацией? Не чувствуют ли многие из нас ухудшающую равновесию в своей судьбе, жизни, работе, в своих успехах и неудачах? Не отвечают ли на это некоторые из нас равнодушием к жизни и работе союза? Не преследуют ли нас порой крайние настроения: «А нужен ли нам союз? Писал книги без союза и впрямь без него сумел писать».

Буду до конца откровенным: подобные мысли в горькие минуты приходят и мне. За эти двадцать лет я написал три книги общим объемом около 75 листов. Не так много. Но я ни один год не бездействовал. Я пробовавал свои силы в драматургии, написал 5—6 пьес, однако ничего, кроме разочарований, мне эта нечастная страсть не принесла. Я все время непрерывно и напряженно работал, но за все двадцать лет моего пребывания в союзе я вплоть до самого последнего времени не ощущал союза — меня никто ни разу не вызвал, не пригласил ни к какой работе, никто не остановил где-нибудь в коридоре нашего писательского особняка, не пошел ко мне во время собрания, никто не позвонил и не спросил, что я делаю, над чем работаю, чем живу — и в материальном, и в духовном смысле. А когда у меня возникала та или иная необходимость и мне приходилось идти в союз, я делал это скрепя сердце. Во мне вызвали внутренний протест двери, обитые клеенкой, мертвый тон секретарши, охраняющих эти двери, многоголосые ожидания приема и т. д. и т. п. И я потом долго старался не заглядывать в небогатое учреждение. Прому понять меня правильно. Это — не личная жалоба, это — откровенный разговор о том, что наблюдал на душе, что мною лично в значительной сте-

пени уже изжито, но что, может быть, так же переживает кто-то другой.

Григорий МЕДЫНСКИЙ

Долшло дело до того, что в январе этого года в нашей клубной стенгазете, в связи с выборами бюро секции прозы, появилась статья ответственного секретаря секции тов. Вадецкого, где он писал, что писатели Мальцев, Медынский и другие работают над новыми романами о колхозном деревне. А Медынский уже несколько лет работал над совершенно другой темой — о скалке, о молодежи, и ко времени появления статьи такая книга — «Повесть о юности» — была уже принята к печати. Это, конечно, курьез, непорочное, но этот курьез показателен.

И вот иногда мне приходят грешные мысли: а что, если бы не было союза, написал бы свои книги или нет? По здравому рассуждению, я, конечно, не мог не признать, что союз мне во многом помогал, помогал разбираться в жизни и в вопросах литературы. Но я знаю товарищей, у которых этот скепсис принял очень острые формы. Они не принимают почти никакого участия в жизни союза, стоят в стороне. А нужно, чтобы союз, его творческая атмосфера стали необходимым элементом в жизни и работе каждого писателя.

В самом деле. Весь строй нашей жизни основан на организующей роли общественного, социалистического начала. В нашей литературной жизни таким организующим началом должен быть Союз писателей. Литература у нас — не частное дело, литература — очень мощное оружие в нашей всеобщей борьбе за коммунизм. Поэтому мы не можем равнодушно и безразлично относиться к жизни, настроению и работе каждого писателя. Писатель — это творческая индивидуальность, к ней нужно быть общественно требовательным, но и по-человечески чутким. Своими книгами он воспитывает читателя, но и писателя нужно воспитывать, его нужно и поддерживать и прежде всего заботиться, потому что, не зная, нельзя воспитывать.

Это, конечно, азбучные истины, но, к сожалению, о них приходится говорить. У нас долго не ставился вопрос о соответствии идейно-эстетического идеала, который утверждает писатель в своих книгах, личности художника. Думается, что такой проблемой союзу нужно было бы заняться. В читательских письмах, опубликованных в печати в связи с неблагополучным поступком одного писателя, меня поразила фраза: «Обидно, когда любимому писателю приходится отказываться в человеческом уважении». Над этими словами нам надо очень и очень задуматься.

Писатель может расти и развиваться и просто даже существовать как писатель при ясном и никогда не покидающем его сознании своей гражданской миссии — высокого служения делу народа. Образцы такого сознания показывают нам великие писатели прошлого, именно в таком духе должен воспитываться писатель наш «коллективный Горький», наш союз.

Можно ли сказать, что союз вообще не выполнял тех воспитательных функций по отношению к писателям, которые должен был выполнять? Конечно, нет! Союз ставил перед нами важнейшие вопросы литературной политики, союз организовывал обсуждения, занимался политико-просветительской работой. Но все это проводилось, во-первых, недостаточно, а во-вторых, как-то в общем и целом, суммарно и бесцельно, без всякой попытки, как я уже говорил,

пойти ближе к каждому писателю, учесть его особенности, интересы. Один из крупных промахов в работе союза состоит в том, что творческие вопросы занимают в ней недопустимо малое место.

На словах мы часто ратуем за передачу опыта старших писателей молодому поколению, а передаем ли мы этот опыт друг другу? Кто из нас знает, как работал Л. Леонидович над своим «Русским лесом»? Кто знает, как работал В. Катаев, К. Федин, И. Эренбург? И кто этим занимается? Почему мы не интересуемся такими вопросами, как связь писателя с жизнью, сопоставление образа и его прототипа? Почему мы не изучаем всерьез реакцию читателей на наши книги?

Каждый из нас получает сотни читательских писем. К сожалению, сейчас функция союза в этом отношении сводится к одному — его экспедиция перебывает писателям эти письма в нераспечатанном виде. А зря! В них бывают очень интересные и глубокие высказывания, которые могли бы сыграть свою роль в оценке многих произведений и вообще в развитии нашей литературы. В. Беллев в процессе дискуссии предложил провести референдум среди читателей — о любимых и нелюбимых книгах. Интересная мысль, над ней следует подумать.

Нужно отметить бюрократические формы работы, искать более демократические, более массовые, которые заведаны бы за живое и писателя и читателя. А сейчас во всей системе нашей деятельности еще очень много формализма и шаблона.

Работа ведется ли аппаратом или узкой группой актива. Большая масса членов союза стоит в стороне от мероприятий, которые он проводит.

На XIV пленуме правления союза А. Фадеев правильно отметил эту недостаточную общественную активность наших писателей. Причина, на мой взгляд, кроется в явной недооценке организаторской и организационной работы, которая есть в нашем союзе. Союз не привлекает людей, союз не борется и с тем барским пренебрежением к общественной работе, которое имеет место у некоторых писателей, но которых нельзя только декларативно осуждать.

Не борется союз с пренебрежением к общественной работе со стороны так называемых «ведущих» писателей, чье влияние, например, в работе московской секции прозы мы почти не ощущаем.

Вот и получается: одни чувствуют ухудшающее равновесие со стороны союза и отвечают ему тем же, другие, наоборот, пользуются этим равнодушием, чтобы отстраниться от всякой общественной работы. Именно на такой почве и вырастают разного рода ошибки, а то и уродства в развитии и в творчестве зазнавшихся великов, за что нам всем приходится крепчать перед народом.

Конечно, всякая болезнь легче излечивается на ранних стадиях, а когда она запущена, справиться с ней бывает уже трудно. Мы все видели начальные формы этой болезни у Сурова, Вирты, Манферова, неужели их не видел руководство союза? Видело, знало. Это признано, об этом публично сказано. Так как же можно — знать, видеть и ничего не сделать своевременно для предотвращения зла!

Наш союз может и должен выйти за пределы своих внутренних интересов, должен

смелее вовлекать писателей в круг больших, общественных, общенародных дел. Нельзя сказать, что нам об этом не напоминают. Все часто упрекают, что писатели отстали от жизни, что они не отражают ее могучего течения и т. п.

Правильно упрекают? Правильно. Мы сами иной раз видим — пришел писатель из какой-то области нашей жизни, принес определенный запас жизненного опыта, написал одну-две удачные книги, а потом профессионализировался, створался от той среды, которая его питала, и начинает хихикать, а то и совсем замолкает. Бывает так? Бывает.

Одними упреками здесь ничего не изменишь. Это сложная проблема. Нужно профессионализироваться или не нужно? Если не нужно, то как совместить человека две профессии? Если нужно, то как избежать отрыва писателя от жизни?

В связи с этим важно внимательно продумать и вопрос о творческих командировках. Руководители союза очень часто относятся к ним скептически. Но ни разу мы не слышали, чтобы кто-нибудь серьезно проанализировал их эффективность. Почему, например, наш союз, как организация, не принял участия во всеобщем деле освоения целинных земель? А разве не мог он направить туда группу писателей не по творческим командировкам с неопределенной целью, а с определенным заданием: помочь в организации печати на целинных землях?

Мне скажут: все это сложно, трудно. Да, сложно и трудно, но каждый писатель справится с каждым поручением ему делом. Но на такой работе будут закаляться люди, пополнять свой жизненный опыт. Будут, конечно, встречаться трудности, будут ошибки и просчеты, но это лучше, чем плохие книги.

Могут найтись и другие возражения — не всегда писателя можно оторвать и послать куда-то кому-то помогать. У писательского труда есть свои особенности, своя специфика. Все это так, все это нужно принять во внимание, но при всем том нужно учесть пользу, которую принесут такие поездки писателя и литературе. Нельзя только упрекать писателей за то, что они отрывались от жизни, и ничего не делать для того, чтобы помешать этому.

Вообще, на мой взгляд, наш союз после своего второго съезда должен очень значительно усилить свою организаторскую, организационно-воспитательную работу. Пусть не будет у нас забытых людей, пусть не будет у нас формализма и бездушия, недостойного зазнайства и кичливости, пусть союз делает всю свою громадную, неиспользуемую для отдельных, хотя бы и самых талантливых людей работу силами всего союза.

Я не сказал еще о многом и многом, о чем нужно было поговорить. Может быть, и в том, что я высказал, не все правильно, может быть, недостаточно введено конкретное, как говорится, конструктивных предложений. Но я не мог ставить себе такие всеобъемлющие задачи. Мне хотелось только выразить то глубокое чувство неудовлетворенности работой Союза писателей, которое в той или иной степени живет в каждом из нас, и поставить наиболее общие и большие вопросы. Над конкретным решением их нам нужно всем вместе, коллективно, думать и думать, и я надеюсь, что товарищи поддержат этот разговор.

При переезде в хороший дом, на новую, благоустроенную квартиру в жизнь человека входит большая радость от удобства и красоты его жилища, от той заботы, с какой запланирована архитектором каждая деталь его дома и квартиры, не просто красивой, но и обязательно удобной, пишет в своей статье академик архитектуры И. Жолтовский («Строительная газета», № 18, 10 октября 1954 г.). Один из старших советских архитекторов делится своими мыслями о подлинной и ложной красоте в архитектуре.

Великие зодчие прошлого, согласно известной триаде Витрувия, говорили, что всякое подлинное произведение архитектурного искусства должно отличаться прочностью, пользой и красотой. Но в прошлом эта триада относилась только к уникальным произведениям. Принципы нашего современного советского зодчества можно определить коротко: удобство, прочность и красота — не для избранных, а для всего народа. На это постоянно указывают Коммунистическая партия и Советское правительство.

...Мне вспоминается отчетливо, словно это было вчера, одна из бесед с В. И. Лениным. Разговор шел о реконструкции города Москвы. Владимир Ильич говорил о том, что Москва надо перестроить так, чтобы она стала художественно осмысленным, удобным для человека городом. Для этого нужно, говорил он, использовать все великое и мудрое, что было создано человечеством на протяжении многих веков.

Ленин разъяснял, что пролетарская революция несет с собой мир новых идей и в то же время сохраняет все прекрасное, что было создано человечеством. Одновременно с этим Владимир Ильич резко высказывался против использования такого наследия, которое провинило человечеству в искусстве. «Помните, только не мешанство!» — сказал он в заключение нашей беседы.

И. Жолтовский ставит вопрос о необходимости освоения классического наследия — не для того, чтобы копировать, а для того, чтобы проникнуть в те законы, на основе которых зодчие прошлого могли создавать неуязвимую красоту.

У нас некоторые архитекторы неверно понимают классику. Термин «классика» очень часто, например, присваивают всякому сооружению с колоннами, а новаторство называют всякую модернизацию этих деталей. Такой взгляд является поверхностным и неверным.

Классика — это мудрость, простота, целесообразность.

Не формы тех или других стилей объединяют все подлинно классические произведения, а глубокие принципы реализма, лежащие в их основе, будь то античный храм или башня московского Кремля.

Такое глубокое проникновение в принципы подлинной классики избавит нас как от мешанского и бессмысленного украшения, так и от бездельного упрощения, присущих архитектуре буржуазного Запада...

Сейчас много говорят о том, каким должен быть архитектурный облик жилых домов. Правильно, что архитектура жилья должна быть проста, благоустроена и экономична. Достичь этого в современных условиях растущих потребностей народа можно

«Ленинградский альманах»

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Только что вышел очередной, восьмой номер «Ленинградского альманаха». Он открывается вступительной главой первой книги романа М. Шолохова «Он сражался за Родину». В альманахе печатаются: поэма О. Берггольда «Верность», роман М. Шитова «Над городом звезда», рассказы В. Шейфера, А. Миничковского, А. Шейкина, а также стихи, очерки и другие материалы.

Он номера к номеру «Ленинградский альманах» становится интереснее, содержательнее. В ближайшем времени в нем будет опубликовано более десяти крупных прозаических и поэтических произведений. Среди них: романы М. Шолохова «Поднятая целина» (вторая книга) и В. Саянова

«День рождения», повести В. Пановой «Сергея Лаврова», «11 путовок», В. Коцетова «Детская повесть», пьесы В. Кетлинской «Да, вот она, любовь» и О. Форш «Камор», рассказы Э. Грина, Ю. Германа и других ленинградских писателей.

В альманахе регулярно печатаются произведения молодых авторов, статьи и заметки читателей. Редакция предоставляет страницы альманаха видным деятелям науки и искусства.

В девятом номере в специальном отделе «Перед Вторым всеобщим съездом писателей» выстлут со статьями О. Форш, В. Саянов, А. Чивилихин, В. Алексеев, С. Цимбал, Ю. Константинов.

А. БОЧАРОВ

Позиция писателя

Заметки о новых романах Вилса Лациса

Сравнительно недавно познакомились мы с первыми переведенными на русский язык романами В. Лациса, а как прочно вошли уже они в духовную жизнь народа, как горячо полюбили нас их изящные, крупные, немного угловатые и в то же время столь привлекательные герои — Оскар Клява из «Сына рыбака», Андрей Силдник из «Буря», Ян и Айвар Лядуми из романа «К новому берегу».

Вот за последний год на книжные полки встали еще три переведенных на русский язык романа, созданные в разные периоды двадцатипятилетней творческой деятельности писателя.

Новые романы широки по охвату жизненного материала, богаты по мыслям, разнообразны по художественным приемам. Не претендуя на сколько-нибудь обстоятельный анализ этих романов, хотелось бы лишь выделить некоторые вопросы, имеющие, по нашему мнению, немаловажное значение в предсъездовском творческом разговоре.

Романы резко различны по теме. Трилогия «Бескрылые птицы» — первое крупное произведение писателя, созданное в 1931—1933 гг. — являет собой широкую картину жизни моряков и трудового люда в буржуазной Латвии. Приключенческий роман «Потерянная родина», в основном завершённый в 1940 году и окончательно дописанный в 1952 году, — это рассказ о туземце с далеких полинезийских островов, выросшем в сознательного борца за освобождение народа. Роман «Поселок у моря» повествует о жизни рыбацкого поселка в последние годы.

Но при всем различии жизненного материала, тематики и многих художественных приемов романы обладают большой внутренней общностью. Она сказывается и в авторской — своеобразно латвийской — интонации, напоминающей устный рассказ, и в том, что главные их герои — «стражейники моря»: моряки, рыбаки, островитяне. И наконец, романы объединяются самым значительным — поэзией автора.

В. Лацис, «Бескрылые птицы». Изд. «Молодая гвардия», 1953 г.; то же в «Собрании сочинений», т. I, Гослитиздат, М., 1954 г.; «Потерянная родина», альманах «Дружба народов», 1954 г. №№ 2—3; «Поселок у моря», журнал «Звезда», 1954 г. №№ 1—4.

У всякого крупного писателя неизменно своя ясная и четкая позиция: за чем он пишет произведения, что он хочет утвердить в них, что намерен воспитать в людях, то есть в конечном счете, в какие стороны жизни он намерен вмешиваться, вторгаться. Все три романа В. Лациса, написанные в разное время, отвечают, в сущности, на один вопрос: в чем счастье человека, как найти это счастье? И все они по-своему, в своеобразных сюжетных «поворотках», на разном жизненном материале отвечают едино: только вместе с коллективом, в борьбе за счастье всего народа обретет человек счастье.

Тщетны, бесполезны усилия «бескрылых птиц» — людей, вышедших добиваться счастья «в одиночку». Словом жизнью «старое упрямство» Лядуми, сильной и смелой девушки; она не находит себе опоры в жизни, вынуждена стать проституткой. «...Как уставшая птица, заблудившаяся в морских просторах, она отчаянно выхватывает последний раз крыльями... еще раз... А внизу ревет разбушевавшаяся стихия».

Таков неизбежный путь одиночек. Лишь обретая крылья коллективной революционной борьбы, находит человек счастье.

Все ступени поисков счастья «в одиночку» прошел Водис Витто: он честно работал грузчиком и лесорубом, но этого едва-едва хватало на кусок хлеба; увлеченный романтикой моря и надежды выиграть «в лотерею», он стал матросом, но и здесь его ждали только немощная работа за издевательство: попал в «обстоятельную» своей мечты — Америку, он встречает там лишь «беспыльную и преступную свободу хищников и вечное поругание человека, его достоинств и его прав».

Только вернувшись на родину и встретившись с коммунистами, «первые в жизни Водис ощутил свою силу, и он хмелеет от этого сознания — велика эта сила, неисчерпаема, неутомима! Эта сила была — коллектив! Перед ней не устоят никакие крепости, тыщери он это творил знал».

Такой же вывод читатель выносит из «Потерянной родины». Туземец Аю в далеком, затерянном в океане острове был увлечен кавальеро случайно прибывшего к берегу корабля. Многие испытал Аю за

годы страстней. И если он — одинокий, бесправный, затерянный вдали от родины — не поддался отчаянию и смерти, то только потому, что его поддерживала рука рабочего коллектива. С этого и начался трудный процесс нравственного роста Аю. Вернувшись на родину, в борьбе против колонизаторов находит Аю свое счастье.

Правда, не всегда эпизоды духовного возмужания Аю органически слиты с приключенческой (а порой и чисто «развлекательной») основой повествования. К концу романа образ Аю теряет свои индивидуальные черты, становится несколько логизированным, умозрительно сконструированной фигурой. Видно, возвращаясь к старому замыслу, автор не испытал прежнего лирического волнения, которое единственно и рождает художественную идею, и рождает художественную идею, то есть идею, нашедшую в сознании писателя определенное образное решение. Впрочем, не в «Буре» и «К новому берегу» повествование к концу переходит в скороговорку, словно автор, тщательно выливая образы, тотчас же утратил интерес к ним и горюпится «раздаваться» с ними.

Третий роман — «Поселок у моря» — является продолжением «Сына рыбака». В «Сыне рыбака» Оскар Клява искал путь к счастью, к благополучию, к справедливой жизни всего рыбацкого поселка. С подлинной художественностью показал писатель, как беззастенчиво коверкала, подминала благородные планы Оскара буржуазная действительность. Мы любим Оскара, волнуемся, мучаемся, радуемся с ним вместе.

Теперь в «Поселке у моря» Оскар — участник Великой Отечественной войны — переносит домой, становится преследуемым рыбацкой армией, и дом приходит заволашево, уют, счастье. Рядом с Оскаром наконец-то обретает счастье его близкие.

Но — странное дело! — пропалает наше волнение, наш горячий интерес к его судьбе, драматическому будням. В Лацисе — мастер романов о современной жизни народа — утратил в новом романе какие-то стороны, итрили своего мастерства, своего обаяния.

В чем же дело? * * * Главная, стержневая тема творчества В. Лациса — поиски счастья — неизменно была связана у него с созданием яркой типической личности, в которой писатель об-

общал страдания, радости, борьбу больших социальных групп. Но это не была такая «обобщающая личность», когда писатель расчленил, чисто логически отбирал некие «общие черты» и подобное механическое соединение художеских выжимок пытается выдать за социальный тип. Известно, что составленные друг с другом кирпичи еще не создают стену — нужен еще личный, своеобразный поворот судьбы, единственно способный скрепить их.

Герои лучших книг В. Лациса всегда обладают резкой индивидуальной судьбой. Это и хорошо, что резкой: безликая пригладненность лишь затухивает, а не раскрывает существенные противоречия жизни. Чем сильнее чувство, возмущавшее автора, тем ярче, резче, неповторимее судьбы героев.

Вспомним хотя бы Айвара из романа «К новому берегу». Сын коммуниста Айвар был после ареста отца и смерти матери усвоенен семейством кулака, желавшего сделать его своим наследником и преемником. Почти двадцать лет коверкает кулак душу Айвара, и все-таки в решающий момент тот уходит от своего приемного отца. Некоторые критики поспешили обвинить Айвара в «нетициности», не делая замечать, что его необычная судьба хорошо раскрывает не только физическое, но и идеологическое банкротство врага.

Резкой, внешне необычной судьбой обладают герои и новых книг В. Лациса. Далеко не каждый туземец прошел такую богатую жизненную школу, как Аю. Но за всей (порой, к сожалению, излишней, нарочитой) исключительностью перипетий личной судьбы Аю встает типичность его образа — представителя колониального мира, поднимающегося в бой за свою свободу.

Ясная позиция писателя позволяет ему противопоставлять крупным, порой монументальным положительным героям столь же масштабные фигуры врагов: страстно рождает равную силу обаяния всего противопоставленного. На таких контрастах, «крупномасштабных» сопоставлениях композиционно решен один из сильнейших романов В. Лациса — «Бескрылые птицы».

Далеко не обычна судьба Миллии в «Бескрылых птицах». Дочь запертого мастера стала женой вояки, влюбилась затем с помощником своих любимых выгнанных в эмиграцию. Развившись перенервической болезнью от одного из многочислен-

ных любовников, Миллия потом зарыдала своего мужа, сумев подстроит так, что «виновниками» оказались он и чистая девушка — прислуга Лядуми. «Виновою» Лядуми выгоняют на улицу, и там она под угрозой голодной смерти становится проституткой. Не обычный, не среднестатистический факт, но как хорошо описанный в образе Миллии все то, что делает ее типичным представителем правящей верхушки буржуазной Латвии, — продажность, разврат, безжалостность, скрытые за стенами особняков.

В этой силе социальной значимости героев, типичности их судеб при всей исключительности поступков кроется главная причина успеха книг В. Лациса.

А как только пропадает такой резкий, своеобразный поворот судеб героев, исчезает и интерес читателя к повествованию. Так случилось с «Поселком у моря».

Ничего нового к известному нам из «Сына рыбака» образу «высший» Оскар Клява не добавляет (хотя пропало пацать лет — и каких лет!): дела его будничны, мечты не возвышены, трудностей он не встречает, а вели герой раскрывается только в борьбе с трудностями, и чем сложнее их преодоление, тем полнее и многостороннее проявляется он как характер, как тип.

Да, собственно говоря. Не только Оскар, но и все герои нового романа как-то легко, «беспыльно» проходят сквозь жизнь: все им удается без трудностей, без борьбы, как-то помимо них. Герои повествования инертны; в книге не показаны их горение, борьба, смыслы решения и яркие поступки.

А ведь читатель прекрасно знает, что в жизни за всеми переменами стоит сложная борьба, в которой выявляются сила и красота характеров одних героев и ничекность, бессомочность характеров других.

Такого размаха чувств, силы идеологического, духовного столкновения героев нет в новом романе, — и в этом заключается, по нашему мнению, его основная слабость. Это скорее отдельные зарисовки жизни рыбацкого поселка, а не полное художественное произведение, призванное воздействовать на читателя интересной судьбой героя, полнотой и новизной раскрытия их характеров.

Есть в романе некоторые удачные, своеобразные герои: Эгар — целеустремленный и в то же время паранистичный иншопа, Тавя — русская девушка, прожившая в годы оккупации прислугой у торговца

Бангера, Миле Кюсинья — легкомысленная, вздорная бабенка. И все-таки нет здесь главного, чем так привлекают лучшие произведения Лациса, — большого, сильного характера, за переживаниями которого читатель следил бы с неослабевающим интересом.

Мастер увлекательного сюжета, владеющий высоким искусством композиции, В. Лацис в новом романе не сумел организовать жизненный материал в четкие и оригинальные сюжетные рамки, не воплотил свои жизненные наблюдения в историю характеров, ограничившись очерковой констатацией: «После исключения Румбайниса из колхоза во многих землях заметен повислав трудовой дисциплина. Самые нерадивые старались во-время прийти на работу. И колхоз торопчо выполнил квартальный и головной план урожая».

Отсюда идут многие художественные просчеты автора, и прежде всего дробность композиции. Если «Бескрылые птицы» (как, кстати говоря, и «Буря» и «К новому берегу») композиционно решены как ряд крупных, четкой рукой написанных повелю о судьбе того или иного героя, то в «Поселке у моря» мы с недоумением встречаем крайнюю дробность, расплывенность эпизодов. Каждый из них просто описывает отдельный факт из жизни поселка вместо того, чтобы раскрыть какие-то новые, значительные стороны характеров героев.

Роман можно закончить на любом эпизоде, тогда как сюжет лучших книг Лациса не кончается, пока не развернется весь характер героя. Можно ли оборвать сюжет «Сына рыбака», не показав, как преодолевает Оскар свое временное поражение, свое уныние?

А в «Поселке у моря» наибольшее внимание привлекают отношения Эггара и Тави. Право же, этого слишком мало для романа о жизни «поселка у моря».

Гораздо мельче, однолинейнее, лишь в своем физическом действии показаны в «Поселке у моря» и образы врагов. Только в одной сцене — голодом, расчленившим убийство жены «братом Теодором» — В. Лацис поднимается до высокого, подлинно художественного звучания. В остальном же враги весьма измалычли. Остатки же мелких любовных грешков «брата Теодора» не переходят в разоблачение его вздорной сущности. Фред Менгеле и Роберт Клява из кровожадных, безжалостных хищников превращаются в «мелкого пошляка» иншопа.

Спору нет, все эти теория и фрейды в жизни действительно мешке, гаденькие,

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

Александр ЧАКОВСКИЙ

5. В этом письме я хочу рассказать о людях Сен-Дени, рабочего предместья Парижа.

Городок Сен-Дени вошел в историю Франции, как место погребения французских королей. Из Дурра похоронная процессия следовала до церкви Сен-Дени, и по сей день возмущающейся над городком. С этим обстоятельством рабочие Сен-Дени полшутя, полусерьезно связывают первую в истории Франции «забастовку», когда лет 600 назад носильщики на пути поставили королевский гроб на землю и заявили, что не сделают ни шагу дальше, пока им не прибавят плату.

События более обозримого периода истории свидетельствуют, что Сен-Дени является одним из центров французского рабочего движения. Демонстрации и забастовки Сен-Дени известны не только всей Франции, но и всему миру. Грандиозные манифестации 1916—1919 годов с требованиями прекращения войны и повышения заработной платы, демонстрации солидарности с Советской Россией, забастовка в 1934 году, широкое участие в Народном фронте, мощная забастовка в 1936 году — все это крупные, но далеко не единственные вехи борьбы рабочего класса Сен-Дени.

В годы гитлеровской оккупации рабочие Сен-Дени, особенно коммунисты, стояли в первых рядах борцов за Францию. И не случайно поэтому, что в первые же дни оккупации Парижа, как сообщила мне заместитель мэра Сен-Дени, гитлеровцы расстреляли 75 человек из Сен-Дени, а 240 человек бросили в концлагерь. 140 из них не вернулись...

Последние месяцы истории Сен-Дени ознаменовались последовательной и слоганной борьбой за мир, за прекращение войны в Индо-Китае, против ЕОС.

Я пишу обо всем этом для того, чтобы читатель знал, что люди, о которых ниже пойдет речь, живут и работают там, где большинство населения гонимое за коммунистов, там, где капиталисты были вынуждены пойти на наибольшие уступки в удовлетворении требований рабочих...

...Серый цвет преобладает в Сен-Дени. В конце прошлого века там стали усиленно строить заводы. Объяснялось это дороговизной земель непосредственно в Париже и большим количеством пустовавших территорий в районе Сен-Дени.

В Сен-Дени потянулись в поисках заработка разорившиеся крестьяне, особенно бретонцы. Но предприниматели, занятые постройкой заводов, меньше всего заботились о жилищных условиях. На этом построили свой «бизнес» спекулянты разных масштабов. Они постепенно возводили доходные дома, делали это торопливо, беспорядочно, ставили в наем лагуны, сараи... все гомозилось для Сен-Дени. Вот почему у этого парижского пригорода и поныне такой серый, непривлекательный вид.

Я провел в Сен-Дени два дня. Они прошли в беседах с людьми, в посещениях рабочих квартир...

...Я познакомился с Андро Мерито у ворот кожевенного завода. Здороваясь, он протянул мне руку, на которой было только два пальца. Мерито заметил мой взгляд.

— Машина оттапала, — криво усмехаясь, сказал он. — Этой машине было не менее четверти века. Злая старуха. На ней нельзя было работать, я отказался. Не ответили: тогда убрался с завода. Вот я и променял три пальца на работу. Теперь прошло уже пять месяцев, а я все еще не могу добиться пенсии, на которую имею право...

Да, предприниматели Сен-Дени не очень дорожат своими рабочими. Да и к чему, если в Сен-Дени имеется множество алжирцев, которых всегда можно использовать на самой тяжелой работе и по самой дешевой цене.

Положение алжирцев в Сен-Дени, да и во всей Франции заслуживает того, чтобы на нем остановиться особо. В поисках выхода из нищеты и бесправия они бегут из колоний в метрополию...

В тот день я закончил беседу с людьми слишком поздно и когда пошел посмотреть алжирский квартал, было уже темно.

Для того чтобы посмотреть одну из квартир, где живут алжирцы, мне пришлось пройти через лабиринт лагул, мимо домов, стены которых исполованы трещинами, по каким-то деревянным мосткам.

Ночью, при свете редких фонарей, этот квартал напомнил предместья Сеула, где жителям корейская беднота, виденные в 1950 году...

В небольшой комнатке спало почти впопалку несколько мужчин. В соседней комнате в таких же условиях лежали женщины и дети. В этих помещениях не было окон и единственными отверстиями для притока свежего воздуха служили открытая дверь.

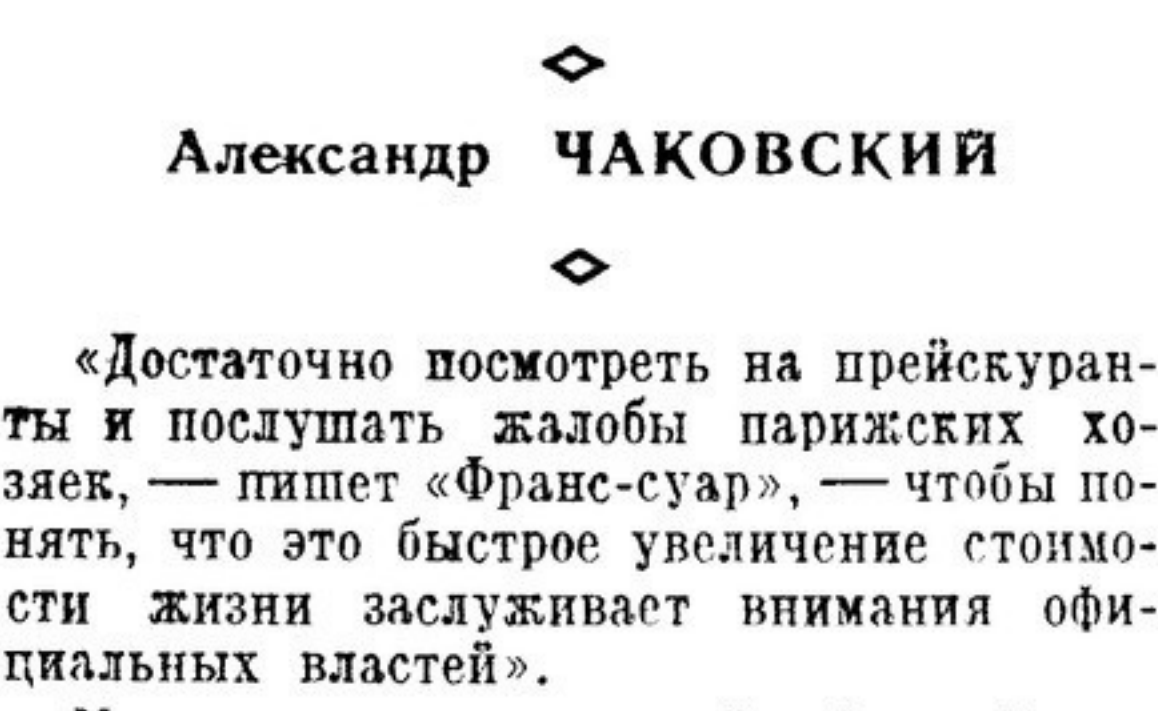
Помещения никак не отапливались, и, как мне сказали, не будут они отапливаться и зимой.

Да, жизнь алжирцев в Сен-Дени поистине ужасна. Они испытывают двойной гнет — безжалостной капиталистической эксплуатации и расовой дискриминации.

Коммунисты ведут непрестанную борьбу за улучшение быта и условий работы алжирцев. Они организуют их в профсоюзы, поддерживают и добиваются осуществления их требований, помогают им получить хоть какое-нибудь жилье.

Но капиталисты, естественно, заинтересованы в сохранении «статус-кво». Им нужна дешевая рабочая сила, они хотят держать своих рабочих под постоянной угрозой увольнения...

Жизнь французского трудового народа тяжелая. По данным парижской печати, цены на овощи, мясо, молочные продукты и т. д. значительно выше прошлого года.

«Достаточно посмотреть на преискуранты и послушать жалобы парижских хозяек, — пишет «Франс-суар», — чтобы понять, что это быстрое увеличение стоимости жизни заслуживает внимания официальных властей».

Многолетняя, упорная борьба рабочего класса, разумеется, дала свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

Интересы французского рабочего класса, разумеется, дали свои результаты и в Сен-Дени. Рабочие заставили пойти капиталистов на некоторые уступки, добились, например, организации столовых при крупных предприятиях. Я был в одной из таких столовых — при газовом заводе, кормят там сравнительно неплохо, но негде помыть руки перед едой... На мелких предприятиях, — а таких большинство, — столовых нет, там в лучших случаях ставят таны с горячей водой, в которые рабочие опускают свои котелки с принесенной из дома пищей, чтобы хоть немного подогреть ее.

гоустройстве дома, а «благоустроить» эту трущобу стоит дешевле. Правда, пока еще выселить людей ему не удалось. Несколько раз приходила полиция, являвшаяся судебный исполнитель...

Но рабочие держатся стойко. Их поддерживают коммунисты — депутаты муниципалитета. Идет борьба. Полиция до поры до времени не решается вышвырнуть людей из дома, боится общественного скандала, — дело получает слишком широкую огласку.

Жизнь сознательного французского рабочего — это непрерывная борьба. Борьба не только за улучшение своего материального положения, но и за политические требования, в защиту своей страны от попыток врагов продать и предать ее.

На меня произвел большое впечатление характерный для французского рабочего рабочего облик. В нем живет большая человечность, готовность отозваться на нужды товарищей, чувство глубокой солидарности.

Французский рабочий любит чистоту и порядок в своем доме, и не его вина, если по условиям своей жизни он не всегда может их соблюдать.

Я был в гостях у рабочего-металлиста Ферно Попадена. Он живет в одном из откупленных мэрией у частного домовладельца зданий.

Со своей семьей из шести человек Попаден живет в двух крохотных комнатах. В его жилище образцовый порядок. Недостаток в средствах Попаден старается возместить собственным трудом и инициативой. Он сам смастерил полки для книг, шкаф, провел на кухню самодельный душ и выкрасил для него местечко.

Попаден долго рассказывал мне о жизни рабочих Франции, об их борьбе. Он был не первым французом, с которым мне пришлось встречаться и беседовать о жизни и делах страны. Но именно в этом разговоре я с особой силой, особо проникновенно почувствовал, что говорю с подлинным сыном народа, с простым человеком, характер, облик которого воплотил в себе очень многое из того хорошего, передового, человеческого, что отличает французский рабочий класс...

В эти минуты я вспомнил ежегодный праздник «Юманите», праздник в Венсенском лесу, на котором мне пришлось побывать недели за две до посещения Попадена.

Это был праздник простых людей Франции, рабочего класса и всех трудящихся. Это был подлинная, настоящая Франция. В тот день тихий обочина Венсенского леса — место семейных прогулок трудового люда — преобразилась...

Не сотни, не тысячи, — десятки тысяч людей наполнили его. Книжные лотки, лавки, тары, закусок... Павильоны французских обществ дружбы с СССР, со странами народных демократий, стеллы профсоюзов, прогрессивных организаций молодежи...

Представьте себе: бесконечные толпы людей движутся по аллеям, людей веселых, поющих, танцующих, на головах — карнавальные шапки, в петлицах — значки и кокарды. Из сотен репродукторов льются песни Франции, России, Китая, Вьетнама, Польши. Активисты ведут непрерывный радиопереговор и делают это весело, непринужденно, с чисто французским юмором.

Лес шумит, звенит, смеется, танцует, и кажется, что сами деревья, захваченные этой лавиной веселья, давно уже сошли со своих мест и движутся, танцуют вместе с людьми.

Здесь много вина, но вы не увидите пьяных. Здесь много танцев, но нет кустарной похабщины Пигалы — причудливой смеси вульгарных ляжей с наркотической просянкой. Здесь веселятся Париж, настоящий, честный, непопулярный трудовой Париж.

Такой, как Венсенский лес в этот день, веселой, радостной, дружелюбной ко всем народам, хотели бы видеть свою страну простые люди Франции.

В те часы ощущение, что я вижу настоящую, честную, смелую, непопулярную Францию, не покидало меня. И это же ощущение влекло меня теперь, когда я сидел в комнате Попадена и разговаривал с ним. Его слова были лишены какой бы то ни было аффектации или риторики. С большой внутренней силой говорил Попаден о тяжелом положении, в котором находится французский рабочий класс, о его борьбе за лучшее будущее...

Я внимательно слушал Попадена и глядел на него. Его глаза светились умом и убежденностью.

Эта убежденность рождается не сразу. Она созревает в длительной борьбе. Попаден сражался в Испании. Он активный участник профсоюзного движения. Он коммунист.

БИЗНЕСМЕНЫ «УДЕЛЯЮТ ВНИМАНИЕ»...

Один из руководителей деятелей Нью-Йоркской комиссии «Колониал траст компани» Марно Диез, побывав в Болонии, опубликовал в журнале «Банкеры Америки» статью, в которой призвал бизнесменов США «уделять внимание» этой стране.

Болонья, с декларируемым вождением писал Марно Диез, производит до 70 процентов всего олова, добываемого «западным миром». Недра Болонии, продолжал он, богаты золотом, высококачественной нефтью, большими залежами висмута, серебра, меди, цинка и других полезных ископаемых. Кроме того, богатейшие леса с ценными породами древесины, с каучуковыми деревьями... Словом, есть «благоприятные возможности для предпринимателей деловых», уверял Диез.

И монополист США «уделяют внимание»... Они хищнически грабят национальные богатства Болонии. В последнее время американские деловые все больше и больше захватывают в свои руки болонийскую экономику. Они фактически контролируют добычу олова, производство электроэнергии, хозяйничают в нефтяной и многих других отраслях промышленности.

УРОЖАЙ МИРА

На дорогах — осенние караваны комбайнов, медленно и величаво двигаются на отдых. Над сняты хлеба на равнинах, фронт жатвы поднялся на золотые от сноемого жита холмы Средней Чехии, увенчанные гребнями рощ. В садах над Лабой поспели яблоки и груши. В садах спелы венцы из жита, пшеницы, хмея. И повторяется древний, как злещи некий, славянский обряд дожинки.

— Желая много хлеба, много богатства и счастья в этом году и в будущем.

Таковы слова традиционного приветствия Моравская крестьянка Иржина Корчанкова узнала их от матери, а та — от бабушки. Сказав так, Иржина должна была вручить Франтишке Травничку, председателю дружества, дожиночный венец, желтый от налитых зерен и любовно украшенный розами, которых так много в деревне Седлце. Но Иржина медлила. Франтишек протянул руку, чтобы взять венец, и улыбался, ждал. Разве нужны еще слова? Да, нужны. Много изменилось в Седлце с тех пор, как простыл след пещника Молика, пановавшего здесь.

Сегодня на праздник собрались члены земледельческого дружества — радостные, одетые в яркое, расшитые алым узором одежки Южной Моравии. Многие из них извлекли панскую и кулацкую неволю. Фердинанд Капила в поисках куса хлеба добрался до Франции, Антонин Лобач — даже до Аргентины. Но вроду было не лучше. Теперь они впервые в жизни начали познавать, что такое достаток.

Ободренная улыбка Травничка, Иржина заговорила снова: — Всем вам желаю счастья, друзья. Не сразу мы научились хозяйствовать сообща. Но теперь мы твердо стоим на ногах. И никто нас не собьет с пути, никакие прокисли врагов...

Она могла бы прибавить, что дружество закончилось жатву досрочно и потому справляет дожинки первым в районе. Что две трети урожая убрано комбайнами. Что на трудовые в этом году придется, по предварительным подсчетам, 18—20 крон деня, полтора килограмма свинины, четыре килограмма винограда и еще немало другого, короче говоря, в два с половиной раза больше, чем в прошлом году. Но ведь это и так все знают. Иржина не хотела затевать свою речь, тем более, что впереди еще обширная программа — угощение, танцы.

— А в будущем наш Седлец станет еще краше, — сказала она, — нужно только, чтобы все до одного работало честно и были бдительны.

Напоминание о бдительности имеет особый смысл. С запада летят на землю дружества гаулене вражеские листовки. Враги пытаются внушить Иржине Борчанковой и другим, что они-де по своей воле в коллективном хозяйстве, уговаривают покидать дружества, переходят на сторону «Свободной Европы».

Не помогает! Ни один человек в Седлце не покинул дружества. Напротив, 34 одиночки вступили в него в этом году. Их никто не принуждал ни морально, ни экономически. Правительство народной Чехословакии не отказывает одиночкам в помощи машинами, удобрениями. Машино-тракторные станции обслуживают не только членов дружества, но и одиночек. В этом году, например, на поля Чехословакии работало около 19 тысяч тракторов (в пересчете на 15-килограмм). Крестьяне могут свободно решать, как хозяйствовать на своей земле. Все эти 34 селдецкие крестьянина и тысячи других в республике убедились в огромной благотворной силе коллектива.

Пока музыканты настраивают скрипки, пока накрывают столы, давайте побеседуем с крестьянами, послушаем, что говорят они о победах дружества.

— Год был, знаете какой! Зима холодная и без снега. А летом, когда зарылись ливни, каких не было сто лет, и реки разлились, некоторые пророчили: «Не будет хлеба». Единичники пострадали серьезно. Урожай у них — всего 10—12 центнеров зерна с гектара, у некоторых оно погнуло. А мы в дружестве собрали 24 центнера с гектара и сено успели убрать до дождя.

Так было не только в Седлце. Дружества Чехословакии, несмотря на непогоду, заготовили в этом году больше сена для скота, чем в прошлом году, и добились хорошего урожая хлеба.

Только на широком поле дружества — настоящий простор для машин. А их все больше. Вчера по дороге в Седлец я заехал на машинно-тракторную станцию. Интересно было пройти по машинному парку, посмотреть в фабричные клема. Вот здесь старые знакомые — комбайны из Ростова и Тулы, машины из Харькова и

Провокационный маскарад

Вглядитесь в этот фотоснимок внимательно — он того заслуживает. Он был сделан в Графенверере (Верхний Пфальц) на маневрах американских войск. Для него позировали, выйдя «из боя», американские офицеры и солдаты. Это фото 4-й дивизии 7-й армии, дислоцированной в районе Кайзерслаутерна...

Почему же на этих американских погоне советского образца, почему они надели шляпки приблизительно так же, как делают советские солдаты, для чего иные из них напялили на себя головные уборы, похожие опять же на шляпки, принятые в Советской Армии? Ответаем: части американских войск, игравшие на маневрах роль «противника», были передеты в советскую военную форму.

Пойстине, это что-то неслыханное! Немецкий журнал «Нейе Берлинер Иллюстриertes», откуда мы взяли этот снимок, справедливо пишет: «Бде нигде в мире, но на одних маневрах не было подобной провокации. Даже гитлеровский генштаб не осмелился так открыто демонстрировать, на кого именно, на какого противника он готовит нападение... Можно утверждать, что там, где такой маскарад имеет место, разработка нового варианта гитлеровской агрессии находится уже не в первой стадии».

Итак, американские генералы обучают своих солдат стрелять в людей, одетых в советскую военную форму... А между тем не прошло еще и десяти лет, как люди, носившие эту форму, освободили Европу, человечество, весь мир от смертельной угрозы фашистского порабощения. И всем еще в том числе, я полагаю, и американским генералам, памятен январь 1945 года, когда солдаты в этой форме, наступавшие на Восточном фронте, только они — советские солдаты — спасли американскую армию от полной катастрофы в Арденнах. Многие тысячи американских женщин обязаны солдатам в этой форме тем, что их сыновья, мужья, братья вернулись из Европы невредимыми.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

Итак, американские генералы обучают своих солдат стрелять в людей, одетых в советскую военную форму... А между тем не прошло еще и десяти лет, как люди, носившие эту форму, освободили Европу, человечество, весь мир от смертельной угрозы фашистского порабощения. И всем еще в том числе, я полагаю, и американским генералам, памятен январь 1945 года, когда солдаты в этой форме, наступавшие на Восточном фронте, только они — советские солдаты — спасли американскую армию от полной катастрофы в Арденнах. Многие тысячи американских женщин обязаны солдатам в этой форме тем, что их сыновья, мужья, братья вернулись из Европы невредимыми.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

У каждого честного человека провокационный маскарад, затейный американскими генералами, может вызвать лишь чувство безграничной возмущения. Хочется в заключение сказать: Европу, человечество, весь мир освободили американские воины, чья роль в советскую военную форму, какие бы стремительные «победы» ни одерживали над ними на маневрах, это все-таки лишь победы над своими собственными солдатами. Полезна была бы, на мой взгляд, не общающаяся, но постоянно помнить о той бесславной участи, что постигла любовь агрессора в столкновении с настоящим советским солдатом.

НЕУДАВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

1954 год. Город Дюссельдорф, Западная Германия. Автомобильный завод «Ауто-унион». В цехах расставлены... бьюты Гитлера. Мало того, они увенчаны венками... Что же происходит?

Англические оккупационные власти освободили из тюрьмы Верль военного преступника, эсэсовского генерала, бывшего командира танковой дивизии «Гитлерюгенд» Курта Мейера. Он был приговорен за свои злодеяния к смертной казни, которую заменил пожизненным заключением. Ныне «как примерное поведение» (!) Курт Мейер, сродно понабывавшийся весте с десятками других фашистских генералов-головорезов «вместо Вилка», выпущен на свободу в осенние лесами, поестями, ленгами.

В день его освобождения «Общество» (имеется и такое в Западной Германии) шумно приветствовало Мейера в предполье завода «Ауто-унион», то она предоставила в распоряжение бывшего гитлеровского генерала автомобиль, а затем устроила на предприятии встречу-банк в его честь.

При этом организаторы банкета забыли о существовании трудящихся Дюссельдорфа. Между тем, пишет немецкая газета «Нейе Дейтланд», трудящиеся города, возмущенные этой наглой вылазкой, потребовали вместе с рабочими завода «Ауто-унион» немедленного прекращения фашистской демонстрации. Пришлое дирекция завода поспешила убрать гитлеровские декорации, столь любезные ее сердцу.

Уважаемый товарищ редактор! Разрешите через вашу газету выразить мою глубокую, от всего сердца благодарность всем организациям, учреждениям, друзьям, товарищам, поздравившим меня в связи с шестидесятилетием со дня рождения, сорочающим литературно-общественную деятельность и награждая меня высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

С уважением,
Саифи КУДАШ

Уважаемый товарищ редактор! Разрешите через вашу газету выразить мою глубокую, от всего сердца благодарность всем организациям, учреждениям, друзьям, товарищам, поздравившим меня в связи с шестидесятилетием со дня рождения, сорочающим литературно-общественную деятельность и награждая меня высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

С уважением,
Саифи КУДАШ

Уважаемый товарищ редактор! Разрешите через вашу газету выразить мою глубокую, от всего сердца благодарность всем организациям, учреждениям, друзьям, товарищам, поздравившим меня в связи с шестидесятилетием со дня рождения, сорочающим литературно-общественную деятельность и награждая меня высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

С уважением,
Саифи КУДАШ

Уважаемый товарищ редактор! Разрешите через вашу газету выразить мою глубокую, от всего сердца благодарность всем организациям, учреждениям, друзьям, товарищам, поздравившим меня в связи с шестидесятилетием со дня рождения, сорочающим литературно-общественную деятельность и награждая меня высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

С уважением,
Саифи КУДАШ

Уважаемый товарищ редактор! Разрешите через вашу газету выразить мою глубокую, от всего сердца благодарность всем организациям, учреждениям, друзьям, товарищам, поздравившим меня в связи с шестидесятилетием со дня рождения, сорочающим литературно-общественную деятельность и награждая меня высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

С уважением,